

Andreev, Leonid Nikolaevich.

Л. АНДРЕЕВЪ.

ЖИЗНЬ ВАСИЛІА ФІВІЙСЬКАГО
Жизнь Василія Фивейснаго.

MÜNCHEN 1904
VERLAG DR. J. MARCHLEWSKI & CO.

LABADIE
COLLECTION

PG
3452
.Z35

Vom Manuskript gedruckt.
Alle Rechte vorbehalten.

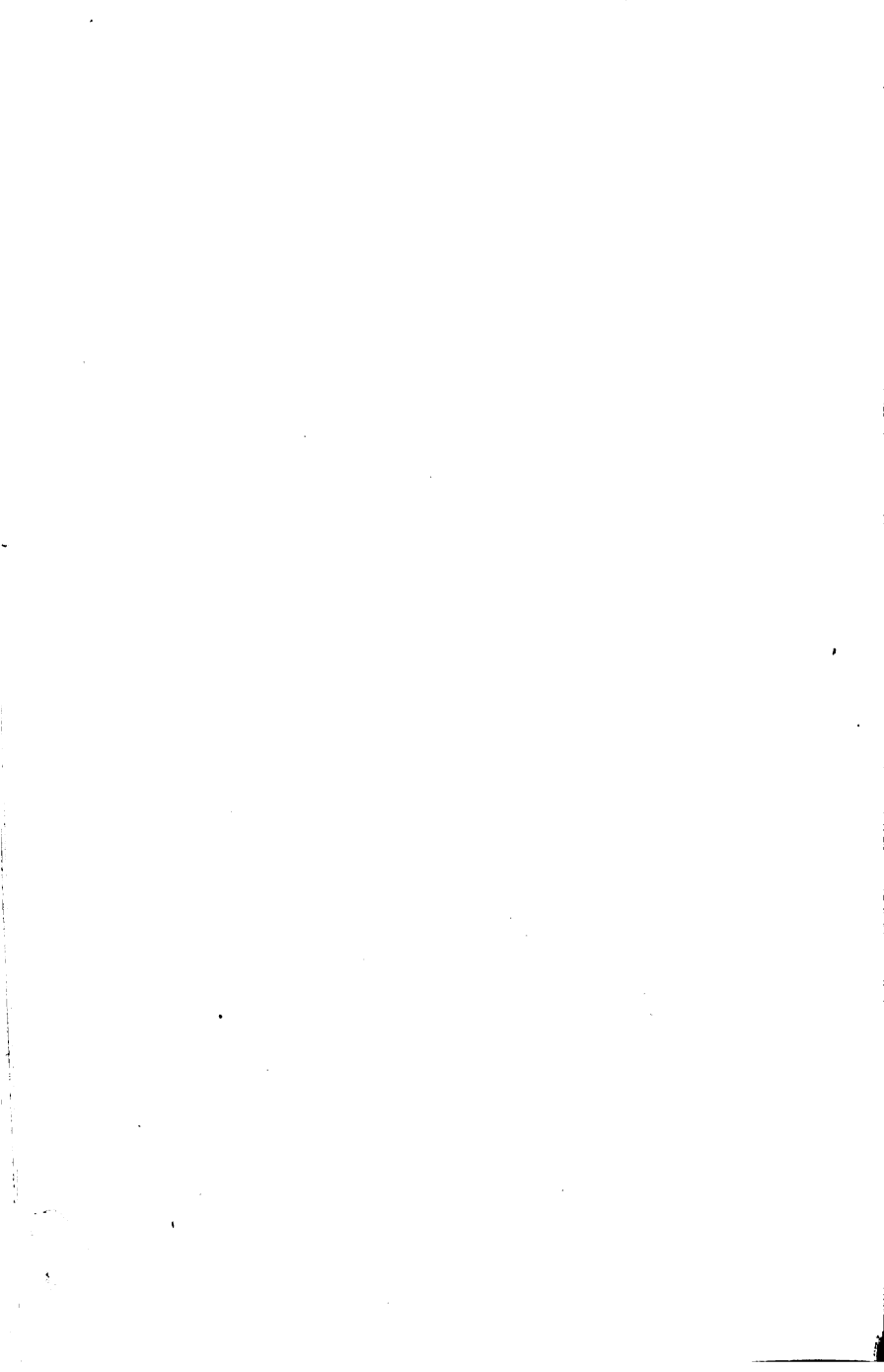
Labsdie Collection
gh. April 25: 1948.
Mr & Mrs. Robert Weinstein.

3-7-63

Посвящается

Ө. И. ШАЛЯПИНУ.

Л. Андреевъ.

I.

Надъ всей жизнью Василия Фивейскаго тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятіемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печали, болѣзней и горя, и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточащія раны. Среди людей онъ былъ одинокъ, словно планета среди планетъ, и особенный, казалось, воздухъ, губительный и тлетворный, окружалъ его, какъ невидимое, прозрачное облако. Сынъ покорнаго и терпѣливаго отца, захолустнаго священника, онъ самъ былъ терпѣливъ и покоренъ, и долго не замѣчалъ той зловѣщей и таинственной преднамѣренности, съ какою стекались бѣдствія на его некрасивую, вихрастую голову. Быстро падалъ и медленно поднимался; снова падалъ и снова медленно поднимался, — и хворостинка за хворостинкой, песчинка за песчинкой трудолюбиво восстанавливалъ онъ свой непрочный муравейникъ при большой дорогѣ жизни. И когда онъ сдѣлался священникомъ, женился на хорошей дѣвушкѣ и родилъ отъ нея сына и дочь, то подумалъ, что все у него стало хорошо и прочно, какъ у людей, и пребудетъ такимъ навсегда. И благословилъ Бога, такъ какъ вѣрилъ въ него торжественно

и просто: какъ іерей и какъ человѣкъ съ незлобивой душою.

И случилось это на седьмой годъ его благополучія, въ знойный іюльскій полдень: пошли деревенскіе ребята купаться и съ ними сынъ о. Василя, тоже Василій, и такой же, какъ онъ, черненькій и тихонькій. И утонулъ Василій. Молодая попадья, прибѣжавшая на берегъ съ народомъ, навсегда запомнила простую и страшную картину человѣческой смерти: и тягучіе, глухіе стуки своего сердца, какъ будто каждый ударъ его былъ послѣднимъ; и необыкновенную прозрачность воздуха, въ которомъ двигались знакомыя, простыя, но теперь обособленные и точно отодранныя отъ земли фигуры людей; и оборванность смутныхъ рѣчей, когда каждое сказанное слово круглится въ воздухѣ и медленно таетъ среди новыхъ нарождающихся словъ. И на всю жизнь почувствовала она страхъ къ яркимъ солнечнымъ днямъ. Ей чудятся тогда широкія спины, залитыя солнцемъ, босыя ноги, твердо стоящія среди поломанныхъ кочановъ капусты, и равномерные взмахи чего-то бѣлаго яркаго, на днѣ котораго округло перекачивается легонькое тѣльце, страшно близкое, страшно далекое и навѣки чужое. И много времени спустя, когда Васю похоронили и трава выросла на его могилѣ, попадья все еще твердила молитву всѣхъ несчастныхъ матерей: «Господи, возьми мою жизнь, но отдай мое дитя!»

Скоро и всѣ въ домѣ о. Василя стали бояться яркихъ лѣтнихъ дней, когда слишкомъ свѣтло горитъ солнце и нестерпимо блеститъ зажженная имъ обманчивая рѣка. Въ такіе дни, когда кругомъ радовались люди, животные и поля, всѣ домочадцы о. Василя со страхомъ глядѣли на попадью, умышленно

громко разговаривали и смѣялись, а она вставала, лѣнивая и тусклая, смотрѣла въ глаза пристально и странно, такъ что отъ взгляда ея отворачивались, и вяло бродила по дому, отыскивая какія-нибудь вещи: ключи или ложку, или стаканъ. Всѣ вещи, какія нужно, старались класть на виду, но она продолжала искать, и искала все упорнѣе, все тревожнѣе по мѣрѣ того, какъ все выше поднималось на небѣ веселое яркое солнце. Она подходила къ мужу, клала холодную руку на его плечо и вопросительно твердила:

— Вася! А Вася?

— Что, милая? — покорно и безнадежно отвѣчалъ о. Василій и дрожащими загорѣлыми пальцами съ грязными отъ земли, нестриженными ногтями, оправлялъ ея сбившіеся волосы. Была она еще молода и красива, и на плохенькой домашней ряскѣ мужа рука ея лежала, какъ мраморная: бѣлая и тяжелая. — Что, милая? Можетъ быть чайку бы выпила — ты еще не пила?

— Вася, а Вася? — повторяла она вопросительно, снимала съ плеча словно лишнюю и ненужную руку, и снова искала, все нетерпѣливѣе, все безпокойнѣе. Изъ дома, обойдя всѣ его неприбранные комнаты, она шла въ садъ, изъ сада во дворъ, потомъ опять въ домъ, а солнце поднималось все выше и видно было сквозь деревья, какъ блеститъ тихая и теплая рѣка. И шагъ за шагомъ, цѣпко держась рукой за платье, угрюмо таскалась за попадѣй дочь Настя, серьезная и мрачная, какъ будто и на ея шестилѣтнее сердце уже легла черная тѣнь грядущаго. Она старательно подгоняла свои маленькіе шажки къ крупнымъ разсѣянными шагамъ матери, изъ-подлобья, съ тоскою оглядывала садъ, знакомый,

но вѣчно та же и манящій, и свободная рука ея угрюмо вѣдала въ кислому кружевнику и незамѣтно рвалась, боясь объ острые колючки. И отъ этихъ колючекъ, какъ иглы, колючекъ, и отъ кислаго хруста кружевника становилось еще скучнѣе и грустнѣе скулить, какъ заброшенному щенку.

Когда солнце поднималось къ зениту, попадая наглухо закрывала ставни въ своей комнатѣ и въ темнотѣ напивалась пьяная, въ каждой рюмкѣ черпая острую тоску и жгучее воспоминаніе о погибшемъ сынѣ. Она плакала и рассказывала тягучимъ неловкимъ голосомъ, какимъ читаютъ книгу неумѣлые чтецы, рассказывала все одно и то же, все одно и то же, о тихонькомъ, черненькомъ мальчикѣ, который жилъ, смѣялся и умеръ; и въ пѣвучихъ книжныхъ словахъ ея воскресали глаза его, и улыбка, и старчески разумная рѣчь.

— Вася, говорю я ему, Вася, зачѣмъ ты обижаешь киску? Не нужно обижать, родненькій. Богъ всѣхъ велѣлъ жалѣть: и лошадокъ, и кошечекъ, и цыплятокъ. А онъ, миленькій, поднялъ на меня свои ясные глазки и говорить: а зачѣмъ кошка не жалѣетъ птичекъ? Вотъ голубки разныхъ тамъ птенчиковъ выведутъ, а кошка голубковъ съѣла, а птенчики все ищутъ, и-щу-утъ, ищутъ мамашу. —

И о. Василиій покорно и безнадежно слушалъ ее, а снаружи подъ закрытой ставней среди лопуха, репейника и глухой крапивы сидѣла на землѣ Настя и угрюмо играла въ куклы. И всегда игра ея состояла въ томъ, что кукла нарочно не слушалась, а она наказывала: больно вывертывала ей руки и ноги, и сѣкла крапивою.

Когда о. Василій въ первый разъ увидалъ пьяную жену и по мятежно взволнованному, горько радостному лицу ея понялъ, что это навсегда — онъ весь сжался и захохоталъ тихимъ, бессмысленнымъ хохоткомъ, потирая сухія, горячія руки. Онъ долго смѣялся и долго потиралъ руки; крѣпился, пытаясь удержать неумѣстный смѣхъ, и, отвернувшись въ сторону отъ горько плачущей жены, фыркалъ въ руку исподтишка, какъ школьникъ. Но потомъ онъ сразу сталъ серьезенъ и челюсти его замкнулись, какъ желѣзныя: ни слова утѣшенія не могъ онъ сказать метавшейся попадѣ, ни слова ласки не могъ сказать ей. Когда попадья заснула, попъ трижды перекрестилъ ее, отыскалъ въ саду Настю, холодно погладилъ ее по головѣ и пошелъ въ поле.

Онъ долго шелъ тропинкою среди высоко поднявшейся ржи и смотрѣлъ внизъ на мягкую бѣлую пыль, сохранившую кое-гдѣ глубокіе слѣды каблучковъ и округлыя живыя очертанія чьихъ-то босыхъ ногъ. Ближайшіе къ дорожкѣ колосья были согнуты и поломаны, нѣкоторые лежали поперекъ тропинки и колосья ихъ были раздавленные, темный и плоскій.

На поворотѣ тропинки о. Василій остановился. Впереди и кругомъ, далеко во всѣ стороны, зыбились на тонкихъ стебляхъ колосья, надъ головой было безбрежное, пламенное іюльское небо, побѣлѣвшее отъ жары, — и ничего больше: ни деревца, ни строенія, ни человѣка. Одинъ онъ былъ, затерянный среди частыхъ колосьевъ передъ лицомъ высокаго пламеннаго неба. О. Василій поднялъ глаза кверху — они были маленькіе, ввалившіеся, черные, какъ уголь, и яркимъ свѣтомъ горѣлъ въ нихъ отразившійся небесный пламень — приложилъ руки къ груди и хотѣлъ что-то сказать. Дрогнули, но не подались сомкнутыя

желѣзныя челюсти; скрипнувъ зубами, попь съ силою развелъ ихъ, — и съ этимъ движеніемъ устъ его, похожимъ на судорожную зѣвоту, прозвучали громкія отчетливыя слова:

— Я — вѣрю.

Безъ отзвука потерялся въ пустынь неба и частыхъ колосевъ этотъ молитвенный вопль, такъ безумно похожій на вызовъ. И точно кому то возражая, кого то страстно убѣждая и предостерегая, онъ снова повторилъ:

— Я — вѣрю.

А вернувшись домой, снова, хворостинка за хворостинкой, принялся возстановлять свой разрушенный муравейникъ: наблюдалъ, какъ доили коровъ, самъ расчесалъ угрюмой Настѣ длинные жесткіе волосы и, несмотря на поздній часъ, поѣхалъ за десять верстъ къ земскому врачу, посоветоваться о болѣзни жены. И докторъ далъ ему пузырекъ съ каплями.

II.

О. Васи́лія не любилъ никто, ни прихожане, ни причтъ. Церковную службу отправлялъ онъ плохо, неблаголѣпно: былъ сухъ голосомъ, мямлилъ, то торопился такъ, что діаконъ едва успѣвалъ за нимъ, то непонятно медлилъ. Корыстолюбивъ онъ не былъ, но такъ неловко принималъ деньги и приношенія, что всѣ считали его очень жаднымъ и за глаза насмѣхались. И всѣ окрестъ знали, что онъ очень несчастливъ въ своей жизни и брезгливо сторонились отъ него, считая за дурную примѣту всякую съ нимъ встрѣчу и разговоръ. На свои именины, праздновавшіяся 28 ноября, онъ приглашалъ къ обѣду многихъ гостей и на его низкіе поклоны всѣ отвѣчали согласіемъ, но приходилъ только причтъ, а изъ почетныхъ прихожанъ не являлся никто. И было совѣстно передъ причтомъ, и обиднѣе всего было попадѣ, у которой даромъ пропадали привезенныя изъ города закуски и вина.

— Никто и идти къ намъ не хочетъ, — говорила она, трезвая и печальная, когда расходились перепившіеся и развязные гости, не уважавшіе ни дорогихъ винъ, ни закусокъ, и все валившіе, какъ въ пропасть.

Хуже всѣхъ относился къ попу церковный староста Иванъ Порфирычъ Копровъ; онъ открыто презиралъ неудачника и послѣ того, какъ стали извѣстны селу страшные запои попады, отказался цѣловать у попа руку. И благодушный діаконъ тщетно убѣждалъ его:

— Постыдись! Не человѣку поклоняешься, а сану.

Но Иванъ Порфирычъ упрямо не хотѣлъ отдѣлать санъ отъ человѣка и возражалъ:

— Не стоящій онъ человѣкъ. Ни себя содержать онъ не умѣетъ, ни жену. Развѣ это порядокъ, чтобы у духовнаго лица жена запоемъ пила, безъ стыда, безъ совѣсти? Попробуй моя запить, я — бѣ ей прописалъ!

Діаконъ укоризненно покачивалъ головою и рассказывалъ про многострадальнаго Іова: какъ Богъ любилъ его и отдалъ сатанѣ на испытаніе, а потомъ сторицею вознаградилъ за всѣ муки. Но Иванъ Порфирычъ насмѣшливо ухмылялся въ бороду и безъ стѣсненія перебивалъ не нравившуюся рѣчь:

— Нечего рассказывать, и сами знаемъ. Такъ то Іовъ, праведникъ, святой человѣкъ, а это кто? какая у него праведность? Ты, діаконъ, лучше другое вспомни: Богъ шельму мѣтитъ. Тоже не безъ ума пословица складена.

— Ну погоди: задастъ тебѣ ужотка попъ, какъ руки не поцѣлуешь. Изъ церкви выгонить.

— Посмотримъ.

— Посмотримъ.

И они поспорили на четверть вишневки, выгонитъ попъ, или не выгонитъ. Выигралъ староста: онъ дерзко отвернулся и протянутая рука, коричне-

вая отъ загара, сиротливо осталась въ воздухѣ, а самъ о. Василій густо покраснѣлъ и не сказалъ ни слова.

И послѣ этого случая, о которомъ говорило все село, Иванъ Порфирычъ укрѣпился въ мнѣніи, что попъ дурной и недостойный человѣкъ, и сталъ подбивать крестьянъ пожаловаться на о. Василія въ епархію и просить себѣ другого священника. Самъ Иванъ Порфирычъ былъ богатый, очень счастливый и всѣми уважаемый человѣкъ. У него было представительное лицо съ твердыми выпуклыми щеками и огромной черною бородою, и такіе же черные волосы шли по всему его тѣлу, особенно по ногамъ и груди, и онъ вѣрилъ, что эти волосы приносятъ ему особенное счастье. Онъ вѣрилъ въ это такъ же крѣпко, какъ и въ Бога, считалъ себя избранникомъ среди людей, былъ гордъ, самонадѣянъ и постоянно веселъ. Въ одномъ страшномъ желѣзнодорожномъ крушеніи, гдѣ погибло много народу, онъ потерялъ только фуражку, засосанную глиной.

— Да и та была старая! — самодовольно добавлялъ онъ и ставилъ этотъ случай въ особенную себѣ заслугу.

Всѣхъ людей онъ искренне считалъ подлецами и дураками, не зналъ жалости ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, и собственноручно вѣшалъ щенятъ, которыхъ ежегодно въ изобиліи приносила черная сучка Цыганка. Одного изъ щенятъ, который покрупнѣе, онъ оставлялъ для завода, и, если просили, охотно раздавалъ остальныхъ, такъ какъ считалъ собакъ животными полезными. Въ сужденіяхъ своихъ Иванъ Порфирычъ былъ быстръ и неоснователенъ и легко отсту-

пался отъ нихъ, часто самъ того не замѣчая, но поступки его были тверды, рѣшительны и почти всегда безошибочны.

И все это дѣлало старосту страшнымъ и необыкновеннымъ въ глазахъ запуганнаго попа. При встрѣчѣ онъ первый съ неприличной торопливостью снималъ широкополую шляпу, и, уходя, чувствовалъ, какъ чаще и лотошливѣе становятся его шаги — шаги человѣка, которому стыдно и страшно — и путаются въ длинной рясѣ жилистые ноги. Точно вся жестокая, загадочная судьба его воплотилась въ этой огромной черной бородѣ, волосатыхъ рукахъ и прямой твердой поступи, и, если о. Василій не сожмется весь, не посторонится, не спрячется за своими стѣнами, эта грозная туша раздавитъ его, какъ муравья. И все, что принадлежало Ивану Порфирычу Копрову и касалось его, интересовало попа такъ, что иногда по цѣлымъ днямъ онъ не могъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ старосты, его жены, его дѣтей и богатства. Работая въ полѣ вмѣстѣ съ крестьянами, самъ похожій на крестьянина въ своихъ грубыхъ смазныхъ сапогахъ и посконной рубахѣ, о. Василій часто оборачивался къ селу и первое, что онъ видѣлъ послѣ церкви, была красная желѣзная крыша старостина двухъэтажнаго дома. Потомъ среди завернувшейся отъ вѣтра сѣрой зелени ветель онъ съ трудомъ отыскивалъ деревянную потемнѣвшую крышу своего домика; и было въ двухъ этихъ непохожихъ крышахъ что то такое, отчего жутко и безнадежно становилось на сердцѣ у попа.

Однажды на Воздвиженье попадья пришла изъ церкви вся въ слезахъ и рассказала, что Иванъ Порфирычъ оскорбилъ ее. Когда попадья проходила

на свое мѣсто, онъ сказалъ изъ за конторки такъ громко, что всѣ слышали:

— Эту пьяницу совсѣмъ бы въ церковь пускать не слѣдовало. Стыдъ!

Попадья рассказывала и плакала, и о. Василій видѣлъ съ безпощадною и ужасной ясностью, какъ постарѣла она и опустилась за четыре года со смерти Васи. Молода она еще была, а въ волосахъ у нея пролегали уже серебристыя нити, и бѣлые зубы почернѣли, и запухли глаза. Теперь она курила, и странно и больно было видѣть въ рукахъ ея папироску, которую она держала неумѣло, поженски, между двумя выпрямленными пальцами. Она курила и плакала, и папироска дрожала въ ея опухшихъ отъ слезъ губахъ.

— Господи, за что? Господи! — тоскливо повторяла она, и съ тупою пристальностью смотрѣла въ окно, за которымъ моросилъ сентябрскій дождь. Стекла были мутны отъ воды, и призрачной, расплывающейся тѣнью колыхалась отяжелѣвшая береза. Въ домѣ еще не топили, жалѣя дровъ, и воздухъ былъ сырой, холодный и непріютный, какъ на дворѣ.

— Что жъ съ ними подѣлаешь, Настенька! — оправдывался попъ, потирая горячія, сухія руки. — Терпѣть надо.

— Господи! Господи! И защититъ некому! — плакалась попадья, а въ углу сквозь жесткіе, спутанные волосы неподвижно и сухо горѣли волчьи глаза угрюмой Насти.

Къ ночи попадья напилась, и тогда началось для о. Василия то самое страшное, омерзительное и жалкое, о чемъ онъ не могъ думать безъ цѣломудрен-